

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

В первый день весны погасли все звезды. Даже в Москве, в этом мрачном городе без солнца и неба, где звезд не видно никогда, всем было понятно, что их больше нет. Это чувство похоже на то, когда умирает мать, которую давно не видел. Когда живешь где-нибудь в Сибири уже лет тридцать, а мать умерла в Калининграде. Понимаешь, что ничего в жизни особо не изменилось, но в то же время сама жизнь будто потеряла смысл. И теперь надо дожить ее до конца с комком в горле. Звезды погасли.

Васильев шел по улице и думал, что совсем неплохо эта новая мода держать дома мелких собак. По улицам носились мопсы и таксы, чихуа-хуа и померанские шпицы, йорки и джек-рассел-терьеры, китайские хохлатые и левретки, перегрызшие свои ошейники и вырвавшиеся на свободу. Они с остервенением бросались на людей. Прыгали и вгрызались в горло. Васильев видел пару немецких овчарок и одного алабая, но те бегали стороной, не нападали, будто удивляясь тому, что мелкие псы творили со своими жертвами. Кошки не отставали от собак и бросались в лица, отгрызали носы и выцарапывали глаза. Голуби, воробьи и вороны доедали трупы. В первый день весны погасли все звезды.

ГЕРМАН КАНАБЕЕВ

Люди не сопротивлялись. Казалось бы, много ли нужно сил, чтобы справиться с таксой или кошкой? Но люди покорно позволяли разорвать горло, они улыбались, когда кошки хрустели пальцами рук, а воробьи лакомились глазами. Васильев их всех понимал. Что еще осталось людям, лишенным мечты, лишенным чувств из-за того, что погасли все звезды? А голубям, воронам, воробьям, а левреткам, таксам и померанским шпицам? Мечта нужна всем, как и звезды над головой. Люди, и собаки, и птицы просто хотят хоть что-нибудь почувствовать, а там, где нет места мечте, есть место смерти. Смерть — последняя надежда для любого живого существа. Смерть — последнее яркое путешествие, последний страх, последняя улыбка.

Васильев никогда не мечтал. Васильев эту жизнь жил. Не требовал, не жаловался, не надеялся. И погасшие звезды — очередное событие, которому у него нет объяснения. Как не было объяснения всему тому, что происходило в жизни, пока звезды блестели.

Васильев шел по улице к дому медленно, опасаясь, что на голову свалится очередной выброшенный с балкона или из окна ребенок. Родители выкидывали младенцев и тех, что постарше. Кому было больше четырнадцать лет, выбрасывались из окон сами. Кто-то из детей не умирал от падения, и тут в дело вступали померанские шпицы. Васильеву было безразлично, он ничего не чувствовал и понимал, что во всем этом теперь есть смысл. Теперь, когда погасли все звезды.

Васильев зашел в подъезд. На первом этаже на лестничной клетке сосед расчленил свою жену. Жена не плакала, сосед не торопился. Жена улыбалась и смотрела на мужа влюбленными глазами. Васильев подумал, что эти двое, наверно, сейчас в первый раз друг

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

перед другом честны. Удивительно, для честности им потребовалось, чтобы погасли все звезды.

Васильев открыл дверь. Сел тут же на пороге и подумал, как же хорошо, что у него нет жены, которую сейчас, когда погасли все звезды, пришлось бы расчленивать, чтобы быть искренним. Как хорошо, что у него нет детей, нет собаки мелкой породы, а уж тем более собаки породы крупной — замечательно, что большие собаки теперь не в моде.

Как прекрасно, что у него нет кошки, и, может, совсем неплохо, что погасли все звезды. Наконец-то случилось что-то значительное. Не какая-то местечковая война, где даже на видео с места боевых действий непонятно, кто против кого воюет. Где можно только и увидеть, как пара не самых новых танков в городской застройке шмаляют по руинам жилых домов, да съемку с беспилотника, больше похожую на очередной уровень в шутере от первого лица. Не какая-нибудь телевизионно-интернетная пандемия, которая если и коснулась Васильева, так только в магазине, когда ему не продали хлеб и масло за то, что он был без маски. Кому нужна такая пандемия? То ли дело сейчас, когда погасли все звезды в первый день весны.

Погасли все звезды, кроме солнца. Солнце горело даже ярче, чем ему всегда было положено. Васильев вышел на балкон. Васильев смотрел на пылающее солнце.

«Почему оно не тухнет? Может, солнце еще сражается за нас, за людей? Что все мы без звезд? Может быть, все звезды вообще всегда были на одинаковом расстоянии от нас. Сплошной шатер над головой. Ткань жизни, полотно вселенной, и никаких разниц в миллионы и миллиарды световых лет. А может, все

ГЕРМАН КАНАБЕЕВ

звезды сожрали померанские шпицы? Джек-рассел-терьеры? Склевали голуби и воробьи? А солнце? А солнце сожрет собака крупной породы, конечно. Какая-нибудь немецкая овчарка или алабай. Сожрет последнюю причину мечтать. Последнюю причину жить. Последний человеческий день. И будет ночь. Настоящая ночь. Некому будет топить атомные кочегарки, чтобы вселять жизнь в уличные фонари. Да и кому теперь нужны эти фонари?» — думал Васильев.

Солнце разгоралось. Пламя звезды не могло сдерживать даже густое московское небо. Васильеву казалось, что еще немного, и солнце спалит его живьем. Но последняя на небе звезда тоже сдалась какой-то вселенской причине, неведомой космической задумке и в мгновенье сжалась в точку. Васильев зажмурился, ожидая взрыва, но вместо него просто стало темно. Так темно, как не может быть даже в темноте.

Васильев на ощупь пробрался с балкона на кухню. Открыл холодильник. В холодильнике так же темно, как на небе, так же темно, как на всей земле, как во всей Вселенной, в которой погасли все звезды. Но в холодильнике стояло пиво, лежали заветренные куриные котлетки. «Да что мне эти мечты человеческие», — подумал Васильев и надкусил котлетку, и запил пивом в первый день весны, когда на небе погасли все звезды.

Завтра, решил Васильев, завтра я буду счастлив. Когда померанские шпицы доедят последних людей. Когда я привыкну к этой кромешной темноте. Когда я снова стану будто только что родившийся ребенок. Во второй день весны. Когда уже неважно, что погасли все звезды.

НЕДЕЛЯ

Понедельник

Так. Хлеб, молоко, яйца. На это хватит. Вот они лежат на полке. Три-четыре сытых дня. Андреев потянулся за канистрой молока. Полки с молочкой расфокусировались. Андреев так и замер с протянутой рукой.

«Доступно обновление», — появилось предупреждение перед глазами на фоне размытых полок с молоком, маслом и кефиром.

Андреев кивнул и прижался к стойке с чипсами, чтобы не мешать другим покупателям.

На днях обещали большое обновление, и не нужно будет вот так зависать и ждать, когда прогрузится реальность. Обновления будут устанавливаться в фоновом режиме. Обновление наконец загрузилось. Андреев снова потянулся за молоком.

«Действие недоступно в бесплатной версии реальности. Пополните счет», — выскочило предупреждение.

«Да пошло оно все, вашу мать!» — заорал на весь магазин Андреев.

«Нам важно ваше мнение. Помогите нам стать лучше. Оставьте свой отзыв», — загорелось перед глазами красным. Андреев выскочил на улицу.

Сегодня утром, перед тем как зайти в магазин, Андреев наслаждался редким для Москвы солнцем. Теперь небо было словно завернуто в полиэтилен. «Где это долбаное солнце?» — подумал Андреев.

«Солнце недоступно в бесплатной версии реальности, — прочитал он уведомление на фоне серого неба и вдогонку: — Сеть магазинов «Тингам» приглашает вас на пятничную распродажу, для вас будут доступны: суповой набор, маргарин, сухари ржаные, водка, вода, независимо от уровня вашей подписки».

— Какой сегодня день? — спросил Андреев у мужика, прижавшегося спиной к фонарному столбу в ожидании загрузки обновления.

— Понедельник, — ответил тот.

Андреев поднялся на свой этаж.

«Дверь не может быть открыта автоматически в бесплатной версии реальности», — мелькнуло перед глазами.

Андреев достал ключ из кармана куртки и открыл дверь.

«Девочка моя», — хотел сказать Андреев, но сквозь голосовое уведомление «Уменьшительно-ласкательные недоступны» прорвалось только: «Жена!»

Конечно, Андреев и без визуализации помнил, где и что в квартире, и без проблем прошел из прихожей в комнату. Он знал, что жена лежит на кровати, он знал, где стоит кровать, и, несмотря на то что перед глазами было сплошное размытое пятно расфокусированной реальности, он понимал и чувствовал, что она здесь, лежит на кровати такая красивая и недоступная в бесплатной версии реальности.

— Я говорила тебе, что больше не буду с этим мириться? — голос жены был спокоен, и спокойствие

НЕДЕЛЯ

пугало. Обычно она всегда выражала недовольство бурно, если не сказать больше.

— Обещаю, я подпишусь на премиум аккаунт. Я обещаю, — сказал Андреев.

— А пока поживем так, да? Как ты это себе представляешь?

— Прости, я подпишусь.

«Звук отключен. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Андреев подошел к кровати и попытался прикоснуться к жене.

«Действие недоступно. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Ни слуха, ни зрения. Размытое пятно перед глазами и бесконечное мелькание уведомлений. Андреев знал, что еще минута, и даже эта тишина из-за отключенных системой звуков скоро взорвется рекламными сообщениями. Еще минута, еще минута. Затем максимум полчаса, и приедет полиция. А он уже и сказать ничего ей не может. Не сможет объяснить, почему не продлевает платный аккаунт.

«Ваш аккаунт заблокирован. Ожидайте службу поддержки», — высветилось перед глазами.

Через несколько минут дверь в квартиру открылась, и в тот же момент «Система» отключила Андрееву зрение. В крошечной тьме он услышал:

«Андреев Максим Анатольевич, бесплатный период пользования окончен, вы будете депортированы за пределы системы».

Первое, что почувствовал Андреев, открыв глаза, — холод. Здесь, за пределами системы, рекламные сообщения еще подгружались, но скорости не хватало, и он слышал только обрывки: «Лучшее предложение... успеете подписаться...»

Андреев уже начал замерзать.

«Вы нарушаете лицензионное сообщение и авторские права, ощущая холод», — прочитал Андреев перед глазами, но холод при этом никуда не исчез. Андреев посмотрел на небо. Небо было синим, высоким и безразличным.

«У вас нет прав на осознание неба».

Андреев знал, что жить ему осталось не больше часа. Сколько ему там уже по факту лет? Официально тридцать, но когда он в последний раз запрашивал данные по факту, было двести сорок. Вне системы организм возьмет свое так быстро, что Андреев и понять не успеет, что это такое — настоящее небо и настоящий холод. Андреев лег на снег. Спину обожгло. Зимнее солнце падало к горизонту.

«Оранжево-красный цвет доступен после принятия лицензионного соглашения», — прочитал он уведомление. Но солнце оставалось оранжево-красным на закате. Будто и нет системы, будто и нет никаких уведомлений. Второе солнце в зените пылало и грело, но Андреев не мог смотреть на него и не мог согреться под его лучами, потому что тем самым нарушил бы авторские права. Солнце в зените было доступно только по подписке.

Андреев закрыл глаза.

«Вы нарушаете авторские права на темноту, подпишитесь на премиум аккаунт».

Темнота оставалась темнотой. С этой темнотой «Система» справиться не могла. Темнота была осязаемой, словно это не отсутствие света, а что-то живое, теплое и пушистое.

«Смерть недоступна в бесплатной версии реальности. Оплатите премиум аккаунт».

НЕДЕЛЯ

Андреев улыбнулся, прочитав это уведомление. Он знал, что смерть предусмотрена всегда, независимо от оплаты аккаунта, независимо ни от чего.

Тишина. Ни одного уведомления. Ни одного рекламного сообщения. Тишина. Пустота. Смерть.

«Спасибо, что были с нами. Мы дарим вам премиум подписку на пять лет. Благодарим за пользование системой. Вы подключены к звукам... вам доступны уменьшительно-ласкательные... доступна визуализация...»

«Да в рот вас всех», — подумал Андреев.

Вторник

После подписки на премиум аккаунт Андрееву пришлось подождать еще десять минут, пока закончатся все рекламные ролики. В полученном вместе с премиум аккаунтом пакете обновлений убрали возможность пропускать рекламу через десять секунд просмотра. Андреев пытался отвлечься на какую-нибудь мысль, чтобы не обращать внимания на рекламу. Перед глазами выскочило уведомление: «Мыслительный процесс недоступен для вашего тарифного плана. Если хотите переключиться на тариф "Мыслебезлимит", подумайте "А"».

«А», — попытался подумать Андреев.

«В вашем тарифном плане не предусмотрена функция — думать. Для переключения на тариф "Мыслебезлимит" подумайте "А"», — прочитал уведомление Андреев. Сбоила не «Система», явно что-то случилось с модулем. Андреев постучал кулаком по лбу.

«Новый год с доставкой! Только подумайте! Только подумайте, и праздник будет доставлен в ваш дом немедленно».

«Подумайте», — попытался подумать Андреев, но мысль оборвалась, и он оказался в промежутках между мыслями.

Такого состояния Андреев не ощущал никогда. Он слышал, что такое было возможно еще лет пятьдесят назад, когда модули не делали настолько совершенными. В то время даже не существовало запрета на отсутствие мыслей, а думать можно было без просмотра рекламы. Как только Андреев очутился в промежутках между мыслями, тут же завопила сирена, зрение отключилось, и вместо пустоты не-мышления Андреев осознал предупреждение: «Вы нарушаете 8132-ю статью уголовного кодекса Российской Конфедерации, запрещающую осознанность. Если причина вашей осознанности в неисправном оборудовании, обратитесь в ближайший многофункциональный центр».

Андреев тряхнул головой. Зрение вернулось. Сирена смолкла. «Ваш модуль неисправен? Вы попадаете в промежутки между мыслями? Получите новый модуль «Спутник XXIV» и забудьте о такой проблеме, как осознанность», — прочитал уведомление Андреев.

В многофункциональный центр — МФЦ — очередь растянулась на несколько сотен метров. Андреев встал в самый ее конец, и в этот момент перед глазами зарябило, и модуль в голове, видимо, окончательно вышел из строя. Ни думать, ни вникать, ни быть Андреев не мог. Он снова попал в промежуток между мыслями, но был спокоен. Здесь, возле МФЦ, его не могли привлечь за подобное преступление, Андреев не делал это специально, что считывала контрольная система МФЦ.

Андреев чувствовал себя пустым, ненужным. В промежутках между мыслями не было никакого Андреева. Была зима. Мерз кончик носа, и от моро-

НЕДЕЛЯ

за пощипывало пальцы ног и рук. В этих ощущениях не было ни смысла, ни цели. Непонятно, что с ними делать и зачем они. К чему эти не самые приятные ощущения тела, если за ними не следует предложение прекратить их?

Мужик, за которым в очереди пристроился Андреев, оказался беспокойным. Он то и дело оборачивался и смотрел в глаза Андрееву так, будто хотел увидеть, о чем он думал. Андреев же, может, и хотел бы подумать о том, чего этот мужик хочет, но тогда бы он не мучился сейчас в этой очереди.

Наконец поняв, что Андреев не может ничего подумать, мужик спросил:

— Сломался?

— Ых нах, — вырвалось у Андреева, хотя он не это имел в виду.

— Ясно, — ответил мужик. — Давай я тебе со своего модуля мысль раздам.

— Еух, — ответил Андреев.

Соединение от мужика было агрессивным. Даже сломанный модуль Андреева ожил, почувствовав настолько мощный сигнал.

— Теперь слышишь? — спросил мужик.

— Слышу, — ответил Андреев. — Как это у тебя так получается?

— Тариф такой — «Святейший», не слышал? Хотя да, откуда ты услышишь, он корпоративный. В нем даже рекламы почти нет, так, только специальные предложения. Хочешь такой?

— Хочу, — ответил Андреев. — Я мыслить буду?

— Будешь. Только ответь, тебе важно именно мыслить или о чем-то мыслить?

— Мыслить, — не задумываясь, ответил Андреев.

— Ладно, когда очередь дойдет, скажи, что у тебя есть промокод, понял?

— Понял, а какой промокод?

— Ежи еси на. Запомнил?

— Запомнил, — ответил Андреев и тут же снова попал в промежутки между мыслями. Мужик отключил раздачу со своего модуля.

«Ежи еси на», — сказал Андреев оператору, кода подошла его очередь. Выскочившее перед глазами уведомление о воскресной распродаже суповых тарелок тут же исчезло. Оператор посмотрел на Андреева с опаской и сказал: «Вы подключены».

Андреев вышел из МФЦ. Ни одного рекламного сообщения перед глазами, и нет этого невыносимого состояния между мыслями. Единственное, из-за чего Андреев чувствовал себя некомфортно, — непреодолимое желание поделиться своим новым состоянием хоть с кем-нибудь. Когда Андреев уже начал нервничать из-за того, что с ним ничего не происходит, звуковое уведомление «Вы отключены от тарифных планов. Примите лицензионное соглашение на пользование стопроцентной верой» вернуло его в нормальное состояние.

«Я согласен», — подумал Андреев.

«Здравствуй, сын мой, неси слово мое, да пребуду с тобой я», — всплыло сообщение перед глазами.

«Ежи еси на», — подумал Андреев и постучал себя по лбу.

Среда

«Я же куда-то шел. Была какая-то простая причина. Идти. Я зачем-то вышел в понедельник из дома. Дом. В доме была, да и есть жена. Интересно, кто эта жен-

НЕДЕЛЯ

щина? До проклятого МФЦ об этом думать было не нужно. Ее мне предложил алгоритм после трех тысяч скипов возможных кандидатов. И так же ей меня. Что это, если не судьба? Какова вообще вероятность, что «Система» с такой точностью предложит мне человека, которого нужно любить? Были учтены все предпочтения. Я люблю именно таких женщин. Почему я таких люблю? Потому что это правильно. Кто сейчас, будучи разумным человеком, станет полагаться на выкрутасы мозга, а уж тем более на безошибочность чувств? Потом такую жену, выбранную бессистемно, хранить в чулане и любить втайне? Первый же ужин с друзьями, привычная для таких посиделок игра в «Сканы», и что? Профиль Андреева в предложенной ему версии реальности тут же станет предметом насмешек. Это если никто не пожалуется куда следует и Андреева вообще не упекут в безынформационность на пару лет. Он слышал, что случается с людьми, получившими такое наказание. Представить страшно, да как это вообще возможно — провести пять лет в безынформационной реальности? И как, простите, любить женщину, не предложенную системой? Зачем мириться, например, с тем, что у нее ноги короче, чем нравится Андрееву? Или грудь у нее больше, чем ему надо, только потому, что так распорядились какие-то там чувства, когда можно получить все, сразу и в идеальных пропорциях? Почему не быть счастливым просто так? Довериться системе и быть счастливым. Куда я вообще пошел в этот понедельник? Какая была причина?» — об этом думал Андреев последние десять минут, стоя на балконе.

Андреев пытался растопить дыханием морозный рисунок на стекле, пытался испортить эту красоту за то, что так долго ее не видел. Он восхищался собой и не-

навидел себя. Восхищался тем, что способен не любить красоту, а ненавидел за то, что красота делает его рабом жизни. Потому что жизнь — тоже «Система» со своими правилами и уровнями доступа. Только в системе ты имеешь право выбора даже на базовом аккаунте, а в жизни никаких правил нет. И если ты оплатил свое будущее, то уж точно ничего себе не гарантировал.

Андреев испортил дыханием и теплотой рук весь рисунок зимы на стекле. Идеальный фрактал превратился в мазню. Похоже было на те картины, когда люди еще не научились рисовать мыслью, доверяя ее поток системе, а делали это руками.

«Среда», — подумал Андреев и кинул мысль-вопрос вдогонку: «И как дожить эту неделю?»

Андреев подумал о визуальном меню. Перед глазами появился стандартный перечень действий: транслировать, отложить, передумать, думать, действовать. Андреев выбрал — «транслировать». Понедельник и вторник со всеми деталями подгрузились в систему. Андреев подумал о мысленных уведомлениях в сон. «Микшировать со сновидениями?» — спросила заботливая «Система». «Микшировать», — выбрал Андреев.

Ему хотелось увидеть, что сделает «Система», опираясь на понедельник и вторник, как она сведет все эти потоки в одну картинку.

Андреев лег в кровать, с минуту полежал на спине, резко задрал ноги и тут же опустил, чтобы поймать край одеяла. Андреева толкнула Андреева в бок. Андреев повернулся, согнул ноги в коленях. Андреева обняла его со спины. Андреев и Андреева лежали, как патрон в патроннике, как первые сопоставленные пазлы из тысячи разбросанных, как совпавшая пара в системе после миллионов скипов. «Нам завтра пред-

НЕДЕЛЯ

лагают пойти в музей», — промурлыкала Андреева. «Хорошо, давай пойдём», — ответил Андреев, и в этот момент ему стало страшно от мысли, что «Система» предложила пойти в музей Андреевой и ничего не предложила ему.

— Ежи еси на, — прошептал Андреев.

— Ежи еси на, — ответил кто-то невидимый в его голове.

Четверг

Перед тем как заснуть, Андреев попытался вызвать привычное меню выбора снов. Он уже приноровился выбирать так, чтобы как можно меньше рекламы. Реклама во снах — функция свежая, алгоритмы еще сырые и, если правильно выбрать сон, можно получить его с тремя, максимум с четырьмя рекламными паузами. Меню предложило пять стандартных пунктов: еда, секс, война, популярность, богатство. Но было кое-что еще, сноской, где обычно мелким шрифтом прописываются условия использования, красовалась еле заметная ссылка — «спать как есть». «А этот тариф, наверно, не так уж и плох», — подумал Андреев, используя ссылку, и провалился в самый глубокий сон в его жизни.

Утром Андреев понял, что не помнит, снилось ли ему вообще что-то или нет, и от этой мысли сердце замерло на мгновение и тут же пустилось вскачь. Статью № 9999 Российской Конфедерации еще никто не отменял, и безнаказанно выспав целую ночь без снов, можно запросто загреметь в «безыформационность» лет на пять. Но «Система» молчала. Рядом сопела Андреева.

Андреев запросил сновиденческое меню Андреевой. «Введите код доступа», — заботливо высветила «Система» предупреждение. «Муж», — подумал Андреев. «Статус», — спросила «Система». «Любящий», — подумал Андреев. Перед глазами понеслись картинки. Так «Система» анализировала, правдив ли ответ Андреева. Она шерстила память Андреева и Андреевой. Вот они в первом отпуске после того, как «Система» подобрала их друг для друга. Они счастливы. Бирюзовое море, белый песок. Вот вечер. На столе морепродукты. Андреева улыбается, улыбается Андреев. «Система» ставит галочку. Вот Андреевы в спальне. «Система» переходит в режим прослушивания. Стонет Андреева, стонет Андреев. «Система» ставит галочку. Мельтешат картинки, галочки проставляются одна за другой. «Система» пускает Андреева в меню выбора снов Андреевой с пометкой: «Ваш ответ честен на 95%». Андреев серьезно удивился. На стандартном тарифе «Система» показывала 100%, что не могло не вызвать улыбку. Эта разница в пять процентов успокаивала Андреева. Эти пять процентов оставляли шанс на то, что «Система» не может до конца разобраться в хитросплетениях человеческих чувств. Но вот эти 95% процентов?

А она ничего себе на сон не пожелала, уснула просто так, и теперь каждые пять секунд ее мозг атакует реклама, никак не связанная с предпочтениями. «Может, устала? — подумал Андреев. — Сколько раз я вот так засыпал, устав выбирать?» На этой мысли он вспомнил свой первый сон. Этот сон всегда врывается в память, когда что-то скоблит изнутри сомнениями и недовольствами. В том сне нет картинок. Там чернота и голос. Конечно, Андреев всегда был согласен с этим голосом.

НЕДЕЛЯ

Цифрократия действительно покончила с большинством проблем, да что там, покончила с главной из проблем — смертью — в привычном ее понимании. И казалось бы — просто выбирай в предложенном меню. Выбирай, выбирай, выбирай все, что хочешь. Благодаря твоему сегодняшнему выбору «Система» станет умней, и дети, наши дети будут жить в еще более совершенном мире. Выбирай! Ты не имеешь права не выбирать! Ты хочешь быть приравненным к террористам? Ты из тех мракобесов, что могут жить без выбора? Что ж, «выбери» тогда жить без выбора.

Андреев отключился от меню Андреевой. «Ежи еси на», — высветилось перед глазами на фоне потолка. «Что?» — спросил Андреев. «Создайте идею на день». Такое Андреев не получал никогда и оттого почувствовал себя неудобно. Что бы он о «Системе» ни думал, но она никогда не подкидывала задач, которые нужно по-настоящему решать. Всегда нужно было действовать в пределах предложенного выбора, но чтобы вот так в лоб — придумайте идею на день? «Режим считывания идеи запущен», — Андреев на периферии зрения отметил включившийся на двадцать четыре часа с убыванием таймер.

Это странное ощущение — когда ты вроде бы такой взрослый и что-то знаешь, а опыта нет. Какая может быть идея без опыта? И речь не о том, что нет определенных знаний или какого-то особого уникального опыта — нет вообще никакого опыта вне рамок выбора. Ну нет у Андреева опыта работы кочегаром, нет глубоких знаний в микробиологии, что тут удивительного, но когда жизнь делает загогулину и понимаешь, что нет опыта прожить текущий день, нет заготовки в голове, чтобы адекватно реагировать на поступаю-

щие из «Системы» новости, от которых нельзя отключиться, чувствуешь себя беспомощным. Так, наверно, чувствует себя ребенок, в первый раз сунувший руку в огонь. Оказывается, эта красивая оранжевая штука может причинить невыносимую боль. Было время, когда, выходя из дома, было страшно захлопнуть дверь, забыв ключи. Потом было страшно забыть дома мобильный телефон. Затем — страшно забыть дома маску. Потом — не отсканировать план маршрута в домофоне. Еще немного, и стало сложнее — попробуй быть спокоен, если вышел из дома и не активировал коптер-дрона. Годы несутся, и в каждом новом году человек стоит растерянный посреди жизни и не знает, что именно сегодня он забыл сделать. Теперь Андрееву, например, нужно авторизовать идею на день. Андреева ругалась, что он не приспособлен к жизни совершенно. У всех есть цель — вообще всю жизнь прожить без проблем. Андреев не мог без проблем пройти стандартную идеализацию с утра, несмотря на то что это так же легко, как заказать удаленную чистку зубов. А сегодня ему нужно придумать идею.

— В чем сложность? — спрашивала, бывало, Андреева. — Почему любая твоя цель на день всегда заканчивается тем, что тебя блокируют, и я на протяжении нескольких дней вижу мужа тупо лежащим на диване, отключенным от системы?

— У меня нет цели не только на будущий день, у меня вообще нет цели, — отвечал Андреев Андреевой.

Конечно, Андреев лукавил в том, что у него совсем нет цели. Иначе у него и Андреевой бы не было. Каждый день он активировал бесплатную для любой версии реальности цель — прожить день.

НЕДЕЛЯ

Но как от любой бесплатной функции, от нее было мало толку. Какой нормальный человек станет пользоваться всю жизнь бесплатной целью на день, когда в системе столько прекрасного за 9,99 цифройна в месяц?

Андреев стоял у подъезда и думал об идее на день, который уже два часа как начался. С бесплатной целью было куда проще. Андреев даже не совсем понимал, чем отличается цель от идеи. Андреев поклонился домофону, коснувшись лбом дисплея. «Квартира номер семнадцать, выход в город разрешен», — сообщил приятным голосом домофон. Андреев еще раз поклонился домофону, надеясь, что его спросят об идее. Домофон молчал. Молчала «Система». Молчал мир.

Мир был возле Андреева, но не проникал в него и Андреева не пускал в себя.

«Кто я?» — подумал Андреев.

«Неверный запрос», — выскочило уведомление перед глазами.

Пятница

Андреев шел к МФЦ. «Система» молчала, из-за этого Андрееву пришлось просто слушать, как под ногами скрипит снег. Он был уверен, что возле МФЦ найдет того мужика, который дал промокод на этот новый тариф, и тот сможет объяснить, как Андрееву жить с тем, что для жизни теперь нужна идея. На самом деле Андреев боялся не того, что ему нужна идея, а вот этого странного обстоятельства — «Система» не угрожала, отчего становилось не по себе. Не было уведомлений, дескать, не будет идеи — отключат, поместят в безыформационность. Андреев так не при-

вык. Ему нужно было знать точно, за что его можно привлечь, а где у него есть место для маневра. В безнаказанность даже на этом тарифе он не верил. Все часть системы и ничего не может быть вне ее. А незнание алгоритмов не освобождает от результата их компиляции.

К МФЦ, как всегда, стояла километровая очередь. В очереди — шум, гам и мат. Вот бабуля бьется головой о фонарный столб, пытаюсь оживить модуль, чтобы оплатить счета по квартире. Другая бабуля гладит ее по спине и успокаивает: «Да в первый раз, что ли, дорогая, ну не выселят. Куда тебя выселять? Ты же всю пенсию за счета и подключение отдаешь. Да на нас все и держится!» Вот мамаша тянет за руку сына-подростка к двери МФЦ и заставляет поклониться домофону, чтобы опездола поставили на учет. «Ты в армию хочешь? — спрашивает мамаша. — Собираешься год потратить, а на что? Скажи мне? Целый год сидеть в четырех стенах и визуализировать бомбометание с беспилотников? Я тебя для того растила?»

Андреев пристроился в конец очереди и простоял до обеда, так и не двинувшись ни на метр. Здесь, в конце очереди, он слышал, как кто-то возмущался: «Вот только у нас такое, как сто лет назад. В нормальных странах все дистанционно или с доставкой. Но Россия-матушка как всегда! В Европе уже от тел освобождают, у нас все ножками куда-то идти надо. Как вот так, а?» «А в Америке? — вторил кто-то. — Там не только от тел освободили, там можно снова в тела воплощаться. Они там и туда, и сюда, а у нас очередь, чтобы модуль поменять». «Да везде Цифрократия как Цифрократия, у нас же мудократия, по-другому не скажешь», — добавлял кто-то невидимый, но, судя по

НЕДЕЛЯ

одобрительному гулу в очереди, выражающий мнение большинства.

Когда гул в очереди достиг совсем уж неприлично-го уровня, над толпой завис полицейский дрон. Стало тихо. «Смотреть в небо», — высветилось у всех перед глазами. Дрон сканировал эмоции и рассчитывал проценты лояльности. Кому повезло, у тех перед глазами появилось: «Ваша лояльность системе больше пятидесяти процентов, поздравляем, можете продолжать стоять в очереди». Кому не повезло... Андреев не знал, какое сообщение получают они, но видел, как некоторые послушно выстроились в цепочку и поплелись вслед за дроном. «Утилизация», — словно ветер по кронам деревьев, пронеслось по очереди. Дрон замер на мгновение. Все посмотрели в небо, постояли так пару секунд. Еще несколько человек вышли из очереди и пристроились за дроном. Остальные уставились под ноги. И Андреев уставился. Он знал, что у всех, кто остался в очереди, сейчас открыт бесплатный доступ к новому сериалу от «Нетмикс» и параллельно идет раздача кодов для доступа к пятничной распродаже. Только вот Андрееву ни игры, ни кодов не предложили. У него так и висело перед глазами: «Активируйте идею».

Люди в очереди прогрузились. Получили свой сериал и коды. Теперь стояли счастливые. Очередь потихоньку потекла. Над некоторыми стали зависать личные дроны с доставкой. Кто-то перекусывал бургерами, увлекшись сериалом, вот женщина радостно схватила пакет с обновками и уже примеряет туфли на февральском морозе. Коптер-дронов становилось все больше, и очередь понемногу стала рассасываться.

Единственный день в неделе, когда «Система» разрешает закончить цель на день к обеду, — пятница.

Андреев понял, что смысла торчать в очереди нет. Он видел, как на крышу МФЦ садятся коптер-дроны с доставкой. Пятница — ничего больше не может быть, кроме бесконечных доставок, промоакций, скидков, доступа к сериалам за один цифройн. Мир умер. Мир радостно поглощает предложенные системой ценности, и даже реклама не тревожит людей, пока они жуют, пока примеряют, пока смотрят. За это им выдадут лишний сезон сериала, лишний бесплатный бургер с доставкой и еще одни туфельки, еще одно платишко. Все будет хорошо в эту пятницу, как и должно быть в пятницу. И в этом есть что-то прекрасное: мягкое жужжание коптер-дронов, февральский снег, подкрашенный системой в те цвета, что предпочитает пользователь, — вкусно, тепло, уютно.

Только вот Андрееву уютно не было. «Система» не подкрашивала, не задавала чувств, не прислала ему коптер-дрона. Он стоял и смотрел, как те, что еще несколько минут назад стояли в этой очереди и казались людьми, теперь валялись на снегу, жрали еду, размазывая соус по лицу, смеялись, смотря у себя в голове новый сезон одного на всех сериала.

Андреева затошнило. Он присел на корточки и в этот момент почувствовал, как на плечо опустилась чья-то рука. Андреев встал. Перед ним стоял высокий худой мужчина. «Ну как тебе?» — спросил он.

— Я Васильев, — представился мужик.

Васильев осенил себя крестом, и его коптер-дрон послушно сел на плечо хозяина.

— Андреев... — начал Андреев.

— Знаю, — отмахнулся Васильев.

Васильев слегка коснулся пальцем лба Андреева, и тот рухнул на землю без сознания.

Суббота

Андреев пришел в себя. Перед глазами выскочило знакомое уведомление: «Активируйте идею». Андреев огляделся. Квартира, где он очнулся, была в плачевном состоянии. С трудом верилось, что здесь может жить человек: ни одного монитора, пол без зарядки, потолок без визуализации, вместо панели выбора вида — обычное окно. Андреев и подумать не мог, что где-то могут быть просто окна с жалкой и унылой действительностью за ними — убогое, не приспособленное для жизни жилье. Конечно, отсутствовала антигравитационная колонка, и кто-то положил Андреева, пока он был без сознания, на обычную кровать и даже заботливо укрыл одеялом.

Андреев запросил местоположение. «Система» молчала. Так быть не должно, и единственное, что успокаивало теперь Андреева, — уже привычное уведомление: «Активируйте идею». Значит, он еще в «Системе». Андрееву хотелось закричать: «Я активирую, твою мать, активирую, но можно мне хоть какое-нибудь меню выбора этой долбаной идеи?» Почему-то сейчас ему было безумно страшно оказаться вне «Системы». Всегда было страшно, но сейчас, когда Андреев не знает, где он и почему, — особенно. «Система» больше не оберегает, не подсказывает, и даже порядком надоевшие рекламные сообщения, сны, наполненные специальными предложениями и акциями, эдакие ограничители свободы версии реальности, Андрееву кажутся в этой ситуации родными, уютными, теплыми. Может, не так уж это и плохо — жить и не думать? С простой целью на день — прожить его до конца?

— Очнулся?

Андреев вздрогнул от неожиданности и вскочил с дивана. Васильев стоял с чашкой в руке.

— Дерганый ты какой-то, — сказал Васильев и протянул чашку Андрееву. Тот не без опаски взял ее и понюхал. Он ожидал, что «Система» предложит «Выберите желаемый напиток», но вместо этого почувствовал приятный запах кофе. Он замер в ожидании: «Запах кофе недоступен в этом тарифе», но никаких уведомлений перед глазами не появилось. Андреев сделал глоток. Кофе слегка обжег язык. Андреев и не помнил, обжигался он хоть раз за всю жизнь. Заботливая «Система» не могла допустить такой оплошности, обязательно предупредит, позаботится.

Васильев смотрел на Андреева с интересом, как наблюдают за только что освобожденным из клетки и выпущенным на природу зверем.

— Где я? — спросил Андреев.

— Может, тебе интереснее, почему ты здесь?

— И это тоже.

— Ты у меня дома. А здесь потому, что ты первый, кого я встретил с таким же тарифным планом, как у меня, — «Святейший». Точнее, не встретил, а нашел.

— Как ты отключил меня?

Васильев пошарил в кармане и протянул на ладони пулю-шокер, какими обычно стреляют полицейские дроны, когда нужно отключить человека.

— Я ничего не почувствовал, — удивился Андреев.

— Так она и работает.

— Зачем я здесь?

— Я не знаю, кто тот человек, что дал мне промокод для подключения этого тарифа, и ты, думаю, не знаешь, но мне кажется, он один из администраторов «Системы». Не думал, зачем ему это было надо? —

НЕДЕЛЯ

Васильев не стал дожидаться, когда Андреев ответит, и продолжил: — Это проверка на уязвимость. Идея — вот что лежит в основе всего, даже в основе самой «Системы». Любая новая идея «Систему» разрушает, и потребуется время, пока та восстановится, включит эту новую идею в себя. Вот тебе и проверка — может ли человек сотворить новую идею, еще не являющуюся частью «Системы».

— А почему «Святейший»? — Андрееву удалось вклиниться в монолог Васильева.

— А разве идея бога — не первое, что должно было прийти в голову? Наша заботливая «Система» даже тут не может не предложить вариант выбора.

— Так что ты от меня-то хочешь? — Андреев допил кофе и протянул пустую чашку Васильеву.

— Ты единственный, кто может помочь мне. Я хочу достать из головы модуль. Сам я не смогу, а любому другому, кроме тебя, «Система» не позволит.

— Как достать — это же смерть? Настоящая!

— А в этом моя идея, друг, в этом моя идея. Смерть — это свобода. Свобода — это идея, вот я ее и активую. Достать из головы модуль, только так можно умереть по-настоящему.

Васильев вышел из комнаты и вернулся с дрелью. Андреев и подумать не мог, что подобное устройство еще можно где-то найти — никак не подключенное к системе. Васильев протянул дрель Андрееву и показал на висок, где у него уже была поставлена метка.

— Просверли и достань, — сказал Васильев.

— Как я достану?

— Сейчас. — Васильев снова вышел из комнаты и вернулся с небольшим пинцетом. — Вот.

— А если просверлить и сам модуль?